

Ильина Мария

Моя жизнь

Мария Ильина

Точка возврата

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9094795

Аннотация

Как невообразимо и страшно переплетаются иногда судьбы, словно рок намеренно сталкивает интересные для него персонажи, тасуя и перемешивая. В необычных и чрезвычайных ситуациях особенно ярко проявляются черты человеческого характера. Множество фигур сходятся в фатальных обстоятельствах, никому не известное убийство многолетней давности неожиданно вытягивает за собой невообразимую историю, достоверную и потрясающую одновременно. Движение без цели или цель без движения?

Кому верить и доверять? Кто окажется убийцей? На кого можно положиться, если не на себя? Дедушка из Казахстана, кто он такой на самом деле? Просто ли несчастный старик, приехавший, чтобы перед смертью взглянуть на внука и правнука?

Поневоле подумаешь, что душевнобольные обитают не в психиатрической клинике, а в том мире, где живут остальные люди, считающиеся здоровыми. Это душевнобольные врачу хоть шишку в подарок принесут, это они добры и отзывчивы, а считающийся нормальным реальный мир готов отнять жену, ребенка, веру в жизнь и цивилизованную упорядоченность.

«Разбираться нет смысла, сроки все истекли, правда ничего не изменит... Шредер, бандиты, похищение – боевик какой-то! Или дурной сон, но где-то в стороне, за кадром... Ты ведь живой! Живой! В полной мере! До дрожи, до головокружения. Спешу, пока есть время!»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Мария Ильина

Точка возврата

Глава 1

Гость. Июнь 2012

Валерки, как назло, не было дома. Вот всегда так! Когда он нужен, его нет. Работа, больные на первом месте. А я?! Будто дома сидеть – значит отдыхать. Хозяйство, ребенок двухмесячный – это пустяки. Мол, все женщины справляются. Про всех не знаю, не скажу. А лично мне это верчение невыносимо, от него любые крылья отвалятся, даже пчелиные. Мне уже страшно становится, что останусь пленницей своего мини-улья. Заблужусь в трех буквах «к» (киндер, кирхе, кюхе). И потом: как же моя работа? Не осталось ни времени, ни сил, ни желания. За три длиннющих месяца ни одного даже самого жалкого наброска. Способности иссякли или их не было вовсе? Баловство одно?

Эти мысли донимали Ладу почти непрерывно. Своей назойливостью и очевидностью...

А тут муж еще «подарочек» преподнес! Дедушка из Казахстана приезжает. И, разумеется, к ним как к ближайшим родственникам. Сын его, Валеркин отец, год назад умер, остались только они. И что ему вдруг приспичило? Позвонил с вокзала: «Встречайте, хочу на внука и правнука перед смертью взглянуть!» Хорошо сказано – «взглянуть», будто фотку из альбома вынуть. Интересно, что он собой представляет?

Лада с остервенением терла пол шваброй. И кто только придумал, что надо убирать каждый день! Звонок в дверь. Кинулась открывать. Поскользнулась на мокром полу, зацепила ногой ведро, в тапку брызнула грязная вода.

Ну вот, дождалась! Лада щелкнула замком, не потрудившись натянуть улыбку. Вошел сухой, жесткий, рослый старик. Рассохшаяся деревянная скульптура из парка – леший. Лицо морщинистое, словно кора, белый пушок на голове, будто плесень. Ни старческой дряблости, ни обвислости. Глазки маленькие, живые, светятся, как у хищника. Возраст? От шестидесяти до упора. Первым делом наследил на паркете (и это летом, в сухую погоду, будто нарочно грязь искал!), молча плюхнулся на пуфик, прислонил потную голову к стене, чтобы отдышаться. Видно, еле ходит. На полу пыльная спортивная сумка с надписью «Олимпиада-80». Надо же, сохранилась... Лады тогда еще на свете не было! Прихожая почему-то стала тесной и душной, веселые золотые звездочки на обоях поблекли, будто застеснялись своего праздничного новогоднего вида. Запах чужой, резкий заставил внутренне сжаться. Дед зашевелился, заскрипел, закашлял.

– Здравствуйте, Петр Константинович, очень рада вас видеть! – выдавила из себя заготовленную фразу и почувствовала, что убедительно врать не получается. Хоть тресни.

– Ты, значит, Лада, Ладушка! Умница, красавица, художница, – промелькнула усмешка, кривая, как зарубка на коре. – Маленькая, рыженькая, веснушчатая... Когда говорят «красавица», я крупную, фигуристую женщину представляю, а не такую «кнопку».

Лада просто ошалела от этой наглости:

– Ну, знаете ли! Он ухмыльнулся:

– Не сердись на старика! Мне восемьдесят два стукнуло. Сейчас не скажу, потом не успею.

Лада за спиной стиснула кулачки.

– Вот тапочки! Проходите, посмотрите, как мы живем, – сказала как можно суше.

Он громко зашаркал по паркету, облапал обои грязными руками, оскорбительно равнодушно пробежал взглядом кругом.

– Трехкомнатная квартира в Москве, да еще окна выходят в парк – и так хорошо, остальное мелочи.

Заглянул в гостиную, между прочим, оформленную под грот (ветки, цветы, картины), усмехнулся:

– Подожди, через годик сынишка подрастет, доберется до этих палок. Лада поняла, что очередь дошла до ее работы «Закат над лесом».

– Что за мазня! Лужа кетчупа в салате из огурцов! Ах, это твоя, что ли? Прости, склероз, все забываю, что внук с художницей связался. А кроме меня, кто тебе еще правду скажет!

– Ну, знаете ли! – повторила Лада, как попугай, и злясь уже на себя.

На нее накатывало бешенство, а он хранил спокойствие, словно буддийский монах, глазки – маленькие стеклянные шарики – отливали холодом. В родном доме вдруг стало страшно. Наглый захватчик! Ну, Валерка, ну, подложил свинью! С таким чудовищем жить в одной квартире, может быть, целый месяц! Отчаянно захотелось, чтобы дед уехал, исчез, провалился сквозь землю прямо сейчас.

Старик оттеснил Ладу. Прошел на кухню и кинул грязную сумку на стол.

– Вот ванная, помойте руки! Он презрительно стиснул рот.

– Я рук не мою, от мыла кожа сохнет. Потом привычки нет. В моем доме уже лет сто, как нет воды.

– Ка к та к? Посмотрел, будто на дуру.

– Я же в Зверостане живу, забыла? Или Валерка не говорил? Ах, внучок, внучок, не встретил деда!

Про Казахстан Ладе, конечно, рассказывали, но она не особо слушала эти байки. Подумаешь, окраина, скучная, серая, далекая. Люди везде одинаковые. Тогда она еще верила, что цивилизация вездесуща, а прогресс всесилен, как божество. Хотя уже был случай убедиться в обратном, но то ведь пустяк, шутка природы. Где-то месяц назад взяла домработницу – таджичку, ясное дело, чтобы сэкономить. Таковую не забудешь: одета пестро и как попало, растерянна, покорна до раболепия. Черты лица правильные, черные волосы выются змеями – восточная красавица из сказок «Тысячи и одной ночи». Тупость, медлительность и неуклюжесть в каждом взгляде и движении. Это уже не Шахерезада, а дикий Пятница. Два дня Лада прилежно объясняла очевидные вещи, чувствуя, что сама бы сделала гораздо быстрее и лучше. На третий решила, что красотка уже опытная, поставила в микроволновку пирог, велела следить за ним и убрать, когда запищит, а сама отправилась с малышом в поликлинику. Запах гари почувствовала еще в машине. Из открытых настежь окон валил дым. Первая мысль о пожаре. Какое счастье, что ребенок здесь! Сунула малыша мужу, кинулась к подъезду, взлетела на этаж, толкнула дверь – та подозрительно приоткрыта, едкий дым щиплет глаза, ничего не видно, под ногами скользит что-то твердое, оказывается, стеклянная миска с обугленными останками пирога. Лада глянула на прожженный паркет и задохнулась от смеха, кашля и крика. Домработница что-то лепетала, хлопая длинными черными ресницами. До Лады с трудом дошло: горящий предмет испокон веков выносят на порог хижины. Это – импринт, все остальное неважно. Стой дикаркой она рассталась сразу же, но вот опять гость из прошлого, этого так просто не выгонишь.

Старик презрительно оглядел скромненькую встроенную кухню в стиле hi-tech.

– Евроремонт, что ли?

– Нет, конечно. Но материалы современные! Ладе нравилась ее кухня.

– К чему вся эта дребедень? Баловство одно! Или мужнины деньги покоя не дают?

Брезгливо убрал со стола торт и скривился:

– Такое не ем, пороссячья еда! И посуду фарфоровую убери, не признаю ее, хлипкая. Недолговечная!

Тут же на стол шлепнулся неряшливый газетный сверток. Звякнула нержавеющей миска. Старик нашарил в кармане складной нож из тех, что даже во времена Ладиного детства казались неопределенно старыми, и принялся терзать копченую ржаво-коричневую рыбу на засаленной газете.

Ошметки летели на новые светло-голубые обои в беззащитных серебристых блестках.

Настенные часы в виде кошачьей морды уныло опустили усы. Половина четвертого. Валерка придет не раньше чем через полтора часа. Лада не выдержала и закричала с предательскими слезами в голосе:

– Как вам не стыдно мусорить, это безобразие!

Всегда не любила рыбу, а сейчас просто ненавидела. Старый хрыч невозмутимо улыбался.

– Ох, уж эти бабы! Одни капризы да истерики! Подумаешь, рыба ей не нравится! Не ешь! Я уже не в том возрасте, чтоб с вашей сестрой заигрывать.

Лада горько пожалела о том, что не умеет неистово и самозабвенно ругаться. Не получается – и все тут. Слишком много думает, спонтанности нет. Выходит жалко, как у обесилевшего ребенка. Валера всегда смягчался в такие минуты. Прижимал к себе, большой и сильный. Настоящий слоненок. Она тотчас разозлилась на себя за нежность к мужу: ведь это он во всем виноват, родственные чувства, видите ли, разыграли ни с того ни с сего! Еще раз взглянула на старика, сосредоточенно жующего рыбу беззубым ртом, и ринулась в ванную.

Лада очень долго мыла руки, несколько раз намыливала, взбивала пену. Точно хотела избавиться от запаха рыбы, затхлости, грязи и зла. Какое может быть зло?! Все это мистика, заигравшееся воображение. Вытерла слезы, умылась, лицо без косметики до смешного детское: вздернутый носик, большие глаза, прямо Алиса из мультика. А ей уже двадцать пять, совсем взрослая. Выключила кран. Ворвался детский писк и впервые принес облегчение. Обычно, что греха таить, когда слышала, все внутри сжималось: опять впереди марафон, конец передышке.

Лада подбежала к кроватке, подхватила, прижала малыша к груди. Маленький, хрупкий, беспомощный... Смотрит радостно, внимательно, взгляд уже научился удерживать, улыбнулся, неумело растягивая губки.

– Артошка, Артемий! Солнышко мое! Тут за спиной проскрежетал кашель.

– Дай правнука-то поддержать! – и протянул свои коряги. – Ты не бойся, я руки сполоснул после рыбы.

– Вы, должно быть, простужены, заразите ребенка.

– Ну, это ты загнула, Ладка! – отрезал дед. – Никакая хворь меня со времен войны не берет. А кашель – это от курева.

– Ну, ладно, только на минуточку! – тревожно почему-то стало, будто навсегда забирали ее маленького птенчика.

Глава 2

Все не так. Назад в прошлое

Петр Константинович отдал Ладе младенца в голубых бархатных ползунках, подумал неприязненно: «Чистенький, сытый и пахнет как-то не так, как должны пахнуть дети. И это единственное, что я оставил после себя». Почему-то внука Валерия он не брал в расчет.

Слишком уж все здесь его раздражало: и душная от обилия финтифлюшек квартира, и эта глупая заносчивая девка.

– Пойду пройдусь, – бросил в сторону Лады.

Невестка с ребенком на руках стояла, отвернувшись, и будто не слышала. Еле передвигая ноги, он спустился по лестнице, добрался до ближайшей скамейки во дворе, осторожно уселся и закурил.

«Разве таким я был? Джигит, черт побери! А что осталось? Доходяга, мерзну при двадцати пяти градусах тепла».

Петр Константинович, поежившись, застегнул куртку, плюнул под ноги, усмехнулся. Все не так, и небо недостаточно синее, с какой-то молочной белесостью. Молоко Петр Константинович не переваривал, в рот не брал, даже в голод. «Нет, и все!» – прошептал, как заклинание, и тут же ощутил крохотный мгновенный импульс энергии, словно тоненький ручеек в песке появился и сразу иссяк. Обрубки тополей скупно, будто по карточкам, выдавали ошметки пуха. Издалека выплыло размытое поблекшее воспоминание, может быть, самое первое.

Увидел себя словно со стороны: крохотный несмышлениш барахтается в нежных, ватных сугробах, светит счастливое, сказочное солнце, он, как щенок, прыгает за пушистыми комочками, смеется. Старик поймал пушинку негнушимися пальцами, помял. «Не то! И мир не настоящий, слишком яркий, аж глаз режет, прямо Диснейленд какой-то».

Все эти олухи, разряженные, сытые дети, пестрые детские площадки, беспечно оставленные велосипеды... Благополучие, прущее из всех щелей, бесило, он сам не понимал, почему. Может быть, слишком сросся с иссушенным солнцем городом, где прожил больше полувека. Пропыленные, поблекшие строения, вокруг ни деревца, ни скамейки – ничего, что могло бы согдиться на металлолом или на топливо. Да, нет даже мусорных баков, ведра выносят в яму на пустыре, пока не заполнится, потом зарывают бульдозером. А дома? Вроде те же пятиэтажки советских времен, только там это распадающиеся остовы, сорок лет не знавшие ремонта. Он представил себе потрескавшиеся стены, подвал, заполненный водой, сочащиеся сквозь щели струйки из прорванных давным-давно труб и огромное болото под окном. Инкубатор для комаров, вашу мать! А сосед-зверек еще ухитряется мыть там машину. Да, милые мои, для вас это небылицы, фантастика! Он усмехнулся, вспомнив удивленную Ладину физиономию, когда та услышала, что у него в квартире не работает водопровод (в принципе, никогда!). Да-да, там много еще чего нет, главное, нет простой радостной беспечности. Там человек – охотник. И никаких изнеженных птичек, собачек! Это вы с ними сюсюкаете, а там их едят. Представьте себе, двадцать первый век и собачатина на закуску, невероятно! Да, вот такая Кызыл-Орда! Даже название дикое, как степное войско. И он совершил дикий поступок, однажды выйдя из поезда на случайной остановке и оставшись там навсегда.

Петр Константинович оживился и со злым озорством взглянул вокруг. Там ни одно живое существо ближе, чем на выстрел, не подойдет, а тут нате вам – жирные голуби так и шастают под ногами, лениво подбирают семечки. Он присмотрелся, вопреки всему улыб-

нул, полез в карман за остатками бутерброда и осторожно, не веря самому себе, начал крошить птицам хлеб.

Петр Константинович ни сыну, ни внуку никогда не рассказывал, что родился и вырос в Москве, и не в этом Измайловском захолустье, а в центре, на улице Герцена, в пяти минутах ходьбы от Кремля. Да и зачем об этом говорить, если никто не спрашивал. Для всех он – старый казах, коричневый, как копченая рыба. Какие тут, к чертовой бабушке московские корни! Отрубил их когда-то, раз и навсегда. Но неясность, тревога оставались, нужно разобраться. Пятьдесят лет откладывал, а тут весной почувствовал, что времени больше нет. И вот рванул в столицу, заодно и родственничков повидать перед дорогой в никуда. Старик неторопливо закурил еще одну сигарету и вернулся к воспоминаниям, которые последнее время были сильнее реальности.

Ноябрь, 1941 год. Москва. Холодная, полутемная, тесная комната, крашенные облезлые стены, железная кровать, ширма, заклеенное крест-накрест окно. Массивное дореволюционное зеркало торчало среди убогой обстановки, как что-то чужеродное. Рама с чудными завитушками, отец говорил: «Стиль модерн!» До чего же неподходящее название для отжившего старья! Левке зеркало не нравилось: занимало слишком много места, да и глядеться в него – чисто бабское занятие. Разве что сейчас, когда никто не видит. Вообще-то любоваться особенно нечем: морда ободранная, в синяках, сам худющий, бледный, отцовский свитер висит, как мешок. Совсем незаметно рельефа мышц. Хотя тело ого-го, не зря же тренируется каждый день. Мать ворчала: «Лучше бы уроки делал с таким прилежанием!» Вот еще! Мальчишка хмыкнул и начал рассматривать свою гордость – солдатские штаны цвета хаки. Отец подарил. Папка – настоящий офицер, три войны прошел. А мать все с пустяками пристает, командовать пытается, да и отца совсем извела. Все ей не так: коммуналка противная, комната убогая, денег мало, мужа рядом нет. «Не понимает она!» – повторил папкины слова Левка. Чего конкретно мама не понимает, сын не мог сказать, но чувствовал, что чего-то большого и важного. Может, поэтому и не пишет отец? Как ушел на войну – ни слуху ни духу. Мать, хоть тресни, не признает, что Левка уже взрослый, все кудахчет наседкой, будто он все еще тот малыш с карточки на комод. Презрительный взгляд скользнул по желтовато-коричневой отретушированной фотографии.

Молодая женщина с кудряшками, темные губки бантиком, круглые, кукольные глаза, улыбающийся дитенок хватает ее за руку. Здесь ему семь месяцев. «Уже стоит, необыкновенно, чудесно!» – передразнил Левка. А теперь что? Только и слышно: «Непослушный, неуправляемый, упрямый, как осел!» Отец – другое дело, говорил с сыном всегда, как со взрослым. На рыбалку брал за город или летом в поход на велосипедах, вот это да! Еще рассказывал о том, как воевал в гражданскую. Левка мечтал о подвигах, видел себя солдатом (о таком писали в газете), в одиночку освобождающим захваченный фашистами дом. Раз, два! Бросает гранаты. Левка размахнулся и треснул кулаком по шкафу, зазвенела фарфоровая чернильница. Два толстых медведя сидят за пеньком, как за столом, и жрут малину здоровыми ложками. Берешься за темно-красную глыбку, поднимаешь крышку, а там чернила. Шик! Но мать пользоваться не разрешает, убрала повыше, и пусть пылится. Тьфу ты! Никто его не понимает, в школе та же история. Все двойки, тройки, только по математике «хорошо». Ошибок нет, но писать с нажимом, красиво, как девчонка, он не умеет и не хочет. Вот еще, не дождетесь! Настоящий герой сам решает, что делать, а не ходит на задних лапах, как дрессированная мышь. Вот и сейчас репродуктор надрывается: «Граждане, воздушная тревога!» Но он ведь не трус, чтобы бежать! Дома сидит, храбрость тренирует.

Левка воодушевился от собственной смелости, вскочил, сделал размашистый шаг, споткнулся о корзину с картошкой и стукнулся головой о косяк, громко заматерившись. Тут дошло: во всей квартире никого, ходи, сколько хочешь. Тут же забыл про ушибленный лоб, выбежал в коридор, ловко проскочил между тазов и корыт и вошел в кухню. В сотысяч-

ный раз удивился, зачем людям столько барахла. Для настоящей жизни нужны конь, шашка, винтовка – и вперед, в атаку! Ну, еще, пожалуй, нож – отцовский подарок – единственная на самом деле необходимая вещь, которая была у него. Тотчас принялся вываливать содержимое карманов. На ободранном столе с прожженными от сковородок кругами оказались нож, папиросы, спички, кулечек с самодельным порохом. Левка закурил спокойно, не таясь, как взрослый, стряхнул пепел в общую жестянку. Вонючий дым смешался с кухонной затхлостью и керосиновыми испарениями. За окном виднелся двор-колодец, снег доходил до окон первого этажа. А учителька говорит, что дворы-колодцы только в Ленинграде. Врет! Все взрослые врут, считают его маленьким. «Эх, я еще им покажу!» Мысленно он уже неся галопом на вороном коне, пригибался к потной, разгоряченной лошадиной шее, уворачиваясь от пуль. Бешеную скачку оборвал стук в дверь. Левка и не подумал идти открывать, быстро потушил папиросу, начал запихивать вещи в карман. Стук повторился, потом что-то звякнуло. «Ну, надо же! Чего так быстро вернулись? Теперь начнут распекать, матери нажалуются. Лучше не попадаться на глаза». Мальчишка заметался по кухне, налетел на большую, как бочка, липкую керосинку, с трудом сдержался, чтобы не вскрикнуть. Юркнул в закуток у раковины за ветхую, замызганную шторку. Лязгнул замок, загрохотал перевернутый таз, послышалась приглушенная ругань. Незнакомые голоса зашипели:

– Точно, никого?

– Я сам видел: все ушли.

«Это он здорово заметил! Я дошел с соседской бабкой Нюрой до входа в метро, потом отстал, затерялся в толпе. Ха-ха! Старуха не мать, бегать не будет».

– Которая дверь, говоришь? Эта? – где-то скрипнуло, щелкнуло.

До Левки начало доходить: «Что-то не так! Неужели воры? И комнату выбрали самую богатую, макардовскую. Шмоток у них навалом, ткани в отрезках, чесучовые костюмы, крепдешиновые платья и даже тюль на окнах».

Мысли кружились быстро и бестолково. Сердце прыгало, как резиновый мячик. Вот он, момент для подвига! Но чего-то не хватало. Был бы зритель, Левка вошел бы в свой особый раж, бросился на грабителей, а там хоть не рассветай. Запала не было, в голову лезли скучные мысли: «Стоит сунуться, пришлепнут, как цыпленка, терять им нечего. Даже убежать не сможешь, на стреме наверняка стоит третий!» Занавеска вздрогнула от судорожного вздоха, Левка отшатнулся, прижался к холодной, засиженной тараканами стене. «Да, затаиться! Но если чего, так просто не дамся!» Скользкие пальцы с трудом открыли перочинный нож. Время словно застыло в мертвой, угрожающей тишине. Снова послышались шаги, шуршание, голоса: «Да скорей же! Не жмись к стенке, дурак, а то тебя к ней поставят!»

Скрипнула входная дверь. Через минуту Левка на цыпочках вышел из укрытия. Макаровская комната была открыта, он заглянул внутрь. Ну и тарарам! Все перевернуто, выкинуто, шкафы открыты. Он не заметил, как оказался у стола. Тряпки, газеты, бумажки... Поверх этой кучи – огромные женские панталоны с кружевами. Левка усмехнулся, потянул за край. Лежащий под ними стакан скатился на пол, звякнула ложка. Он наклонился, поднял. Та самая, серебряная, что тетка Наташа клала в чай «для лечения». Ему стало весело, что бандиты не заметили на видном месте, а он нашел.

Тут из рупора гаркнуло: «Граждане, опасность воздушного нападения миновала!»

Левка вздрогнул и выбежал из разоренной комнаты, ложка сама собой оказалась в кармане. Вскочил в валенки, схватил пальто, шапку – скорей вниз по лестнице, одеваясь на ходу.

Наступали быстрые ноябрьские сумерки, на небе – темные киты аэростатов. Пустой двор холоден до жути. Переминаясь с ноги на ногу, думал, куда бы пойти. Вспомнил про ложку, сунул руку в карман штанов: «Так и есть! Неужели украл? А если отец узнает?!» Дернулся было вернуть, шагнул бежать назад, но тут же остановился. «Нет, застукают! Тогда точно решат, что вор! Ну и влип! Нужно спрятать, а остальное потом!» Левка высмотрел

место – щель в изъеденной осколками стене. «В конце концов, я ее всего лишь нашел». Перед тем как завернуть находку в грязный носовой платок, рассмотрел красивые листочки на черенке и написанные завитушками буквы «С» и «Т».

Глава 3

Муха в паутине

Старик скрипуче усмехнулся, ткнул сучковатым скрюченным пальцем в Ладины картины: «Ты, значит, любительница пауков и тараканов? Ну, рассказывай, как в нашу семью попала!»

Лада смотрела на притаившегося в засаде мохнатого птицееда и молчала. В глаза бросались неточности, недостатки и пыль. Это коварная тварь плела паутину ее первой любви, кривой дорожкой подводила к знакомству с Валерием.

– До чего же у тебя подробные козявки, прямо живые!

В точку попал, хитрый старый хрыч! Не так уж ты прост, как хочешь казаться.

Насекомые пришли к Ладе от Алекса. «Наше детище!» – гордилась она когда-то. Неужели их объединяли лишь эти претенциозные поделки? Страшно подумать! Картинки, конечно, прикольные, выделяются на общем фоне, а вблизи вызывают легкую дрожь отвращения. Пора бы их убрать. За ними так и маячит нескладный силуэт и отсутствующий взгляд Алекса – гения Ладиной юности. Оригинал, блин, с двумя косичками и в неприменной жилетке с множеством карманов, цепочек и брелков. Лада попала на эту блесну, как безмозглая рыбешка, и начала его доставать любовными истериками. Стена равнодушия оказалась абсолютно неприступной, ни одной даже маленькой бреши. Но она не сдавалась, проводила дни и ночи в холодной, ободранной мастерской. Там пахло красками, пылью, мышами и затхлостью. Однажды попыталась оживить берлогу: немного прибрала, пожарила картошку к его приходу. Он разозлился, обозвал захватчицей и отобрал ключи. Даже есть не стал, отвернулся и молчал весь вечер. Она не понимала, чем его обидела. Вспоминала рассказы о свободолюбии мужчин, недоумевала, терзалась и все сильнее боялась потерять этого мерзавца, гениального, загадочного, не такого, как все.

Она начала постоянно мерзнуть, не могла есть, сильно похудела, но вместо того, чтобы заняться собой, перелопачивала груды книг о жизни насекомых, прилежно изображала этих мерзких чудищ, но до Алекса ей было далеко. Мама ругалась, плакала. Увещевала, молилась, уговорила сходить к знахарке, чтобы снять порчу. Девчонка все надеялась, что сможет его переделать или, на худой конец, приручить. Надо же, укротительница пауков! Тайком, по памяти, воссоздавала его картины, по-своему прорабатывая тему. Эти тараканы и сейчас глядят со стен. Алекс не становился ближе, напротив, все глубже уходил в себя, а она нервничала, дергалась. Даже подруга Наташка, помешанная на любви и романтике, советовала поскорее порвать с сукиным сыном. Ладе оставалось лишь отшучиваться: «Чемодан без ручки, нести тяжело, а бросить жалко!» Разве можно бросить одинокого заброшенного человека без помощи и поддержки?! Поглощенный искусством, он не сумеет жить самостоятельно! Почему только она не задумывалась, как он дожил до тридцати девяти лет? Так не могло тянуться вечно, развязка неотвратимо приближалась.

В один злополучный день Лада особенно долго простояла под дверью его мастерской, слышала, чуяла, что Алекс дома, барабанила кулаком по хлипкой двери в облупившейся коричневой краске (звонка не было, чтобы не отвлекал). Старая пыльная проводка паутиной нависла над головой, как на картинах Алекса. Окурки, плевки, грязь под ногами – мерзко, отвратительно! Дверь скрипнула, трусливо приоткрылась, высунулась засаленная голова с двумя крысиными хвостиками. Непонятная застывшая гримаса, губы шевелятся, будто борются заговор.

Лада вся в слезах ворвалась в прихожую, оттолкнула его и кинулась в единственную комнату.

– Что ты там прячешь? Может, у тебя другая? Ты будешь со мной считаться?!

«Конечно, нет!» – сама же и ответила. На потрескавшемся темно-сером потолке показывалась унылая тусклая груша – «лампочка Ильича». Серый дневной свет почти не пробивался сквозь годами не мытые окна. Вроде все, как обычно... Она шагнула вперед. Алекс преградил дорогу и забормотал что-то странное:

– Это они тебя прислали, признавайся! Недаром «жигули» зеленые под окном пять дней стоят, лучи ледяные направляют, заморозить пытаются! Не выйдет!

Он весь трясся, отступал на негнущихся, словно деревянных, ногах, лицо – как маска. Вздрыгнул, обернулся, будто на оклик, и задел мольберт. Ей открылся «шедевр», над которым он трудился последний год и никому не показывал. Замерла в изумлении – такой слабой работы никак не ожидала. Не смея верить глазам, пролепетала, как дура:

– Это твоя?

Хотя какие уж тут сомнения, его почерк! Протянула руку, чтобы поднять картину.

– Не смей! – Алекс метнулся, схватил ее за локоть. Засучил рукав и стал что-то высматривать, щурясь в темноте.

– К свету! К свету! – потащил к окну, со звоном распахнул ставни. Промозглый, сырой ветер полез под свитер. Лада вдохнула запах талого снега, дрожа от холода и страха. Алекс с видом инквизитора вглядывался в ее плечо. Наглое мартовское солнце вдруг рванулось из-за туч и резануло по глазам, он отпрянул.

– Так я и знал! Тот же изгиб! Ты и есть та ведьма! Меня не проведешь! Сгинь! – в ужасе оттолкнул ее и начал мелко креститься.

Лада стояла в полном замешательстве. Что с ним? Крыша поехала или играет? Сквозь стук зубов протолкнула слова:

– Пожалуйста, успокойся!

Сделала крохотный шагок к нему, но этого оказалось достаточно. Он вскочил на подоконник с криком:

– Не смей!

Их разделяли каких-то полтора метра, в страхе за него бросилась, чтобы удержать, споткнулась о картину, упала. Когда встала, его больше не было...

«Я виновата! Это он из-за меня прыгнул! Вдруг погиб?!» Ни плакать, ни кричать не было сил, навалилась серая, обморочная тяжесть. Кадр застыл на несколько долгих секунд. Вниз взглянуть не решалась, воображение рисовало картины одна ужаснее другой, все-таки третий этаж, высоко. С лежащего на полу холста человеческими глазами косился паук.

«Надо действовать, вызвать скорую! – уговаривала себя, как ребенка. – Посмотри, что с ним! Ну же, трусиха!» Лада судорожно вцепилась в ободранный, шершавый подоконник, медленно наклонилась, преодолевая головокружение, глянула и ничего не могла понять. Круглая клумба в черной расклякшей грязи, островки серого колючего снега. Щуплая, карикатурная, вымазанная в грязи фигурка, цепляясь за низенькую оградку, пыталась встать.

– Жив! Жив!

Не отрывая от него глаз, по мобильному набрала 03.

Медленно, шатаясь, как старуха, Лада спустилась по лестнице, встала рядом с ним и не решалась заговорить. Твердила себе, как заклинание: «Я его люблю!» Но верилось с трудом, что-то главное перегорело, прошло.

То ли скорая приехала мгновенно, то ли она потеряла счет времени. Белые халаты, синие чемоданчики, запах лекарств... Беглый осмотр, затем обследование в «травме». Ничего, кроме ушибов и синяков. Но впереди – психушка.

– Ну и ну! – возмущалась Лада. – А как же права человека?! А они ей:

– Опасен для себя и окружающих!

Это же надо так сказать! Буквоеды, бюрократы! Повернулась к Алексу за поддержкой и осеклась. Он, замерев в странной позе, разговаривал сам с собой...

И Лада сдалась. Пусть увозят.

Навалилась страшная усталость. Спать, спать! С трудом добралась до дома...

Встреча с лечащим врачом на следующий день с двух до четырех. Лада долго плелась вдоль высокой серой стены. На душе было тревожно, мутно, будто предстоит черту переступить, а за ней – разлука и что-то еще запредельно страшное. Шла, словно в тюрьму. Ну и козел этот Алекс! Столько лет водил за нос, а оказывается, и не злодей вовсе, просто псих. Охрана придирчиво проверила документы. И, наконец, пропустила.

Добро пожаловать в дурдом! Огромная, ухоженная территория, чистые, несмотря на весеннюю слякоть, дорожки, ведущие к нежно-розовым зданиям корпусов. По бокам круглые, почти как на Арбате, фонари. Навстречу группа в одинаковой одежде, с лопатами и метлами, прямо семь гномов-рудокотов. Сказочное, игрушечное благообразие настораживало.

Люди приближались. Лада взгляделась и вздрогнула: одинаковые, мертвые лица.

Так и есть, залечили! Неужели и Алекса это ждет?! Здесь всех причешут под одну гребенку, убьют неповторимость, талант. Спаси! Ее переполняла воинственность, спина выпрямилась, голова поднялась, ветер трепал волосы, как флаг. Не отдам Алекса, ни за что! Надо сначала объясниться с врачом, если не получится, пойти к начальству. Да хоть к Господу Богу! А если и ее схватят и заодно запрут здесь? Лада глотнула подступивший к горлу ком и вошла в светло-зеленый коридор, словно в клетку к дракону. Все та же неживая чистота, ряд горшков с пластмассовой зеленью вдоль стен, как колючая проволока.

Остановилась перед табличкой: «Лугов Валерий Юрьевич, врач-психиатр».

Разглядывала длинненькие листочки бутафорской пальмы. Ни пылинки! Чувствовала себя маленькой, слабой и одинокой в этом дистиллированном помещении. Коснулась ручки влажными пальцами, пытаюсь настроиться на разговор. Представила себе старика с острой седой бородкой, в круглых очках и с бегущим взглядом.

Лада робко постучала, приоткрывая дверь. Протиснулась в кабинет.

– Здравствуйте! Валерий Юрьевич?

– Да. Присаживайтесь! – на нее смотрел парень богатырского сложения, с коротко стриженными черными волосами. Простое открытое лицо, умный спокойный взгляд, слегка вопросительная, дружелюбная улыбка.

Глава 4

Оплошность

1952 год. Нигде ни кусочка, ни самого заваливающего обрывочка тени. Левка поспешил вылезти из нагретого, как духовка, автомобиля, пока окончательно не изжарился. Под ненасытным июньским солнцем, казалось, плавилась черные глянцевые бока «победы», даже его собственное отражение дрожало, будто подтекающий пломбир.

«Эх, махнуть бы за мороженым! Но приказано ждать здесь, на Моховой. У Сергея Юрьевича дочка диплом получает, между прочим, с отличием».

Из открытых окон университетского здания доносились звуки праздничного оркестра.

«Зайти бы туда, в тени, в прохладу. Эх, не стоит и думать!»

Начальник разгильдяйства не выносил. Когда Левку брал, строго предупредил: «Шофер – тот же солдат, с машиной единый механизм, одно целое. Так что изволь соответствовать! Хотя ты и сын погибшего товарища, нянчиться не буду! Знаю, что драчун, так это отставить! Работа, работа и еще раз работа!» Левка представил себе сильного крепкого старика лет шестидесяти, который вроде робота на негнущихся ногах вышагивал по кабинету и говорил резко, прямо топором рубил.

«Неужели с ним дружил мой отец?» Левка принялся в очередной раз вспоминать, или большей частью выдумывать, давно умершего родителя. Парень, копируя движения начальника, прогуливался взад-вперед по раскаленному асфальту и курил. Еще немного – и подошвы задымятся. Кремлевские башни напоминали обмякший от жары пряничный домик. Олень на капоте искрился светом и резал глаза, как сварка. Отойдя от машины шагов на десять, он задержался в крохотном кусочке тени, вздохнул с наслаждением и зажмурился. Когда открыл глаза, увидел пацаненка лет восьми, который крутился у оставленной без присмотра «победы». Грязный, ободранный, коленки в корках и синяках, морда расцарапанная, сам худенький, жилистый, пыльные вихры торчат, словно рожки, прямо чертенок. Да еще кривляется, заглядывая в боковое зеркало.

– А ну, лапу от капота убери, обожжешься!

Мальчишка хотел было дунуть что есть мочи, но, увидев озорные искорки в глазах дяди-шофера, передумал. Сбиваясь и задыхаясь от волнения, выпалил:

– Можно, я чуть-чуть посмотрю? Я машины жуть как люблю! Даже читал, что у них внутри! Ей-богу, не вру! Вырасту – механиком стану или даже изобретателем, вот!

Не встречая сопротивления, он совсем расхрабрился:

– А за рулем я ни разу не сидел! Можно? Чутко? Самую малость? – пацан показал пальцами размер горошины.

Поймав насмешливый дядкин взгляд на обкусанных с черными краями ногтях, принялся тереть руки о еще более грязные шорты.

Левка рассмеялся:

– А зовут тебя как?

– Васькой!

– Ну, так и быть, Василий, валяй! – он приоткрыл водительскую дверь. – Ничего не крути, не нажимай! – Левку забавлял собственный учительский тон.

Сам еще недавно был таким же, только никто не сделал ему похожего подарка. И упущение необходимо исправить. Пусть парень насладится... Звук клаксона оборвал возвращенную детству радость.

Левка вздрогнул, обернулся: из университетской калитки показался Сан Саныч Ситников – ближайший помощник начальника. Он подсакивал и мелко семенил, одной рукой

поддерживая брюки, а другой – массивные черные очки в роговой оправе. Смехотворно огромные на беленькой крысиной мордочке с тоненькими черными усиками и непомерными верхними резцами. «Гибрид суслика и очковой змеи!» – величали его за глаза с Левкиной подачи.

«Тьфу ты! Черт несет этого подхалима! Только и умеет, что начальству задницу лизать», – не успел Левка довести до конца мысль, как Ситников перешел в атаку.

– Ай-ай-ай! Что же вы делаете?! Вредительством занимаетесь! Государственную машину хулиганам всяким даете! Поиграть!!! – он с брезгливостью сцапал Ваську за воротник и потянул, будто демонстрируя вещественное доказательство. Потом Суслик сделал паузу, передохнул и продолжил:

– Да тебя, шалопая, только из-за покойного отца держат. Сергей Юрьевич – добрейшая душа! – он закатил глаза в холуйском экстазе, усики мелко задрожали. – Из грязи тебя, дурака, тянет, а ты! – Сан Саныч попытался сделать выразительный жест, ослабил хватку, мальчишка вывернулся и задал стрекача. Суслик кинулся было за упущенной добычей, но Левка преградил дорогу. Ситников принялся оттеснять его слабыми белыми лапками.

Левкаотреагировал мгновенно, очки звякнули об асфальт. Когда накатывала яростная удадь, все мысли разом отключались, он дрался истово, иступленно, как одержимый. Ох, этот слепой раж, сколько из-за него было проблем! Буквально все считали своим долгом поучать «хулигана». Все-все! От матери и учителя до последней бабки во дворе, которая на бледное: «Здрасте» – отвечала потоком нотаций: «В коллективе жить не умеешь, отрываешься!» Не то чтобы он специально отрывался, просто оказывался заметен, как бракованное зерно в тарелке каши.

Но эти нудные нравоучения были ничем в сравнении с головокружительной радостью победы, когда самая отъявленная шпана боялась с ним связываться: мол, припадный! Ну его!

Держа за грудки потрепанного противника, Левка вздохнул и успокоился. До чего же забавный этот Суслик дрожащий, с фингалом под глазом и опустившимися стрелками усов. Левка было рассмеялся, но смешок застрял в горле и вышел жалким кашлем.

Сергей Юрьевич стоял в двух шагах от них, его приподнятое настроение еще до конца не выветрилось, но суровел он на глазах. Левка обреченно разжал руки. Ситников липкой жижей вытек из его объятий, смешно подпрыгивая, отбежал в сторону и замер, преданно глядя в глаза начальнику.

– Что за бардак развели! Я вас спрашиваю?! – цедил сквозь зубы Сергей Юрьевич. – Подвести меня под монастырь пытаетесь? Дескать, Бондарь ближайших оболтусов организовывать не может. Смогу!

Левка шкурой ощутил – сможет! Ситников, поправляя узел на жеваном галстуке, попытался что-то вякнуть, но, встретившись взглядом с начальником, подавился собственным ядом и замолчал. Напряжение накаляло воздух сильнее солнца. Никто не заметил, как дочь шефа Антонина оказалась у отца за спиной.

Левка знал ее в основном понаслышке, слишком уж она была занятая (студентка, активистка). К тому же Сергей Юрьевич старался домашним машину не давать, «чтобы не поощрять барство». Хотя, конечно, это не всегда удавалось. Левка подавил улыбку, разглядев нежно-голубое крепдешиновое платье девушки. В поисках «подходящей тряпочки» для торжественного наряда они с Натальей Савельевной (женой начальника) объехали с десятков комиссионков. Потом, на обратной дороге, хозяйка, развернув на коленях сверток, с восхищением тыкала ему в нос импортную материю. Он чудом не сбил пешехода, тряпку возненавидел, но крепко запомнил.

Девушка в пышном платье, с букетом белых пионов, казалась далекой, холодной, будто стояла не на том же раскаленном тротуаре, а парила в воздухе. Золотистые перышки волос и

отстраненный взгляд делали ее похожей на барышню-революционерку из какой-то пыльной книжки.

Преданно взглянув на Антонину, Суслик принялся тараторить с приторной сладостью в голосе, особенно широко улыбаясь и сверкая грызунными зубами. Эх, пересолил! Взгляд начальниковой дочери вдруг сделался суровым, как у отца.

– Довольно, Александр! Вы заслуживаете самого строгого порицания! – она бойко сыпала мертвыми, газетными словами, которые Левке трудно было запомнить. Чтобы получше расчихвостить незадачливого поклонника, Антонина стала выгораживать Левку.

– Тошка! Ты что? Зачем хулигана оправдываешь? Тебе бы прямиком в адвокаты! Выйдет толк! – отец восхищенно улыбался, готовый простить провинившегося шофера, будто этого требовал будущий дочкин успех. Потом для порядка заметил:

– Ладно уж, пока не буду наказывать драчуна, но под твою ответственность.

Антонина почувствовала, что заигралась, впервые по-настоящему заметила Левку, скользнула по нему презрительным взглядом, но давать задний ход не решилась.

– Ладно, займись его перевоспитанием.

И гордо посмотрела вдаль поверх Левкиной головы на Кремль.

Дождь скреб по подоконнику, как крысиные лапки. Левка повернулся на бок. Скрипели продавленные пружины, за ширмой всхрапывала мать. Он замер в неудобной позе, про себя матеря весь мир и это мерзкое, темное, октябрьское утро. «Ну, что за жизнь такая! Спать не спится, а шуметь не смей, лежи себе, как мумия в саркофаге! Ну, была не была, поздравлю сегодня с днем рождения Антонину Сергеевну», – скорчил рожу, представляя, как произносит это имя и отчество. Аж челюсть свело! Тьфу ты! Антошка она, Тошка – маленькая комнатная болонка на вышитой подушке! Кукла, краля!

Вот уже несколько месяцев ему не терпелось доказать, что она не права, стащить с пьедестала на землю и просто обнять, как обычную девчонку, разорвать дорогие тряпки. Левка напрягся весь, сел на кровати, поморщился от визга пружин.

«Среднюю дурешку уговорить – пара пустяков. Они сами за мной бегают, в глаза заглядывают. Одна баба постарше как-то сказала: "Энергетика в тебе есть!" Слово какое-то чудное, с газетных передовиц. Но слово словом, а суть одна: парень хоть куда. Только она этого не понимает!»

С Антониной с самого начала все пошло не так, она только и делала, что поучала, воспитывала. Ни от кого другого он бы подобного не потерпел. А тут, нате вам, слушал скромно, как ягненок, а на себя злился, аж кипел весь.

Девка смеет так разговаривать с ним, с мужчиной! Это же ни в какие ворота! И сделать ничего не получается, хоть в лепешку разбейся! А она все лезет в голову без спросу, захватчица!

Он встал, пошел на кухню умываться; вода – холодная, ржавая – заплескала тонкой струйкой по обколотой эмалированной мойке. Заглянул в обломок зеркала, прилаженный к прокопченной стене. «До чего же помятая рожа! Тоже мне, герой-любовник!»

Левка включил примус, засвистел обросший накипью чайник. Мысли вновь побежали по привычному кругу. Принялся лихорадочно перебирать в памяти свои достоинства, как бедняк монетки перед покупкой. «Ну, сильный, ловкий», – воодушевившись, поиграл мускулами, стул жалобно скрипнул и начал припадать на одну ножку. «А как Петьке-зазнайке врезал! Ишь, вообразил себя главным! Сам ведь трус, сморчок! Меня так никто не назовет. Если драться, то, хоть убейте, на волос не сдвинусь! Слабых не трогаю, не по – пацански это! Только не поймет краля, не оценит. Скажет: "Хулиганство, безобразие!" И рожу скривит».

Попробовал взглянуть на себя ее глазами: ничего утешительного! Расхристанный придурак с папиросой в зубах. Вечно лохматый, грубые лапы в машинном масле – прямо

кариатура из журнала «Крокодил»! А она возвышенная, загадочная. Неужели нечем с ней тягаться?! Конечно, Левка много и запоем читал, правда, неряшливо, без разбору. Если книга цепляла, тут, как с дракой, – до конца! Герои становились родными, авторы же только раздражали, одним своим существованием говоря, что все написанное – вранье. Левка специально не запоминал их имен. Ну, как тут блеснешь эрудицией!

Он все больше нервничал. «Пойду поздравлю! Все-таки у нее день рождения. Я же не трус! Отошьет, ну и хрен с ней!» Левка начал думать о подарке и тут вспомнил про серебряную ложку, ту самую, что появилась у него в сорок первом. Она много лет лежала в ящике в самом дальнем углу. Сколько раз можно было загнать ее на рынке, купить что-нибудь. Но от одной такой мысли становилось противно, будто он и впрямь вор. «Подарить – другое дело!» Левка вприпрыжку кинулся в комнату, мать еще спала, зажигать свет не решился, все-таки пять минут седьмого. Резко дернул нижний ящик стола, засунул руку как можно глубже. «Вот она! Нашупал!» Он включил ночник, развернул ветхую тряпку, выглянул почерневший черенок. «Черт! Еще чистить придется, а все, как назло, уже начали вставать». Мать окликнула:

– Который час?

– Рано еще, спи! – судорожно прикрыл сверток газетой. «Сейчас буду бриться в комнате, возьму воду, мыло, зубной порошок, почищу, пока мать окончательно не проснулась». Левка лихорадочно оттирал черноту негнушимися холодными пальцами, чувствуя себя вором и замирая от страха. За ширмой взвизгнули пружины. Сунул ложку в карман, схватил бритву и от души хватил себя по щеке. Первое, что увидела заспанная мать, – окровавленное лицо сына. Она вскрикнула, раскудалася. Едва уняв кровь и ругаясь про себя десятиэтажным матом, он выскочил в промозглое серое утро.

День не заладился, все шло незадачливо, мутрно. Ближе к вечеру, когда Сергей Юрьевич собрался ехать домой, Левка выдавил из себя:

– Можно поздравить Антонину... Сергеевну? (Нет, с этим именем – отчеством у него явно нелады!)

– Хорошо! Только быстро! Не люблю я эти праздники, баловство одно. Ну кто, скажите на милость, отмечал мои двадцать три года?! Тогда, в восемнадцатом, другой был настрой, азарт. Решались судьбы мира! И мы другие были, не такие жидкие, как ваше поколение. Мы листовки клеили и радовались. А вам лишь бы пластинки крутить да плясать!

Левка хотел возразить, что Антонина – очень серьезная девушка, но осекся, где ему с Сергеем Юрьевичем спорить. Государственного мышления человек, жизнь насквозь видит! Настоящий коммунист! Всего Ленина и Сталина наизусть знает. Под любую ситуацию нужную цитату выдает, как фокусник зайца из шляпы выдергивает! Вечером без томика из собрания сочинений спать не ложится (это домработница рассказывала.) Левка ей верил, иначе как можно все это упомянуть?! Это какой же умище надо иметь! Сам Левка от любого политического чтения начинал зевать на второй строчке и осилить за раз больше страницы не мог, хоть плачь! Даже если доползал до конца главы, вспомнить, что в начале, хоть убей не мог, прямо беда.

Когда доехали, оказалось, что именинницы еще нет. Левка болтался у двери, как неприкаянный, пока Сергей Юрьевич подавал пальто домработнице Настасье – толстой бабе лет сорока. Все в ней было круглым, белым, а лицо невыразительное, не на чем глазу остановиться. Бесцветные короткие реснички, нос бомбошкой, пегая косица с бантом, как у школьницы. Сама хлопотливая, шустрая, даже удивительно, как такая бомба может быстро поворачиваться. А увидев хозяина, усердствовала втройне, чирикала ласково, сладко, аж приторно. Левку терпеть не могла, называла «обормотом» и дальше порога старалась не пускать, чтобы не наследил, не испачкал, не задел, не разбил, в общем, чтобы спокойнее было. Вот и сейчас он смиренно стоял в огромной прихожей, стараясь сойти за дополнительную вешалку для

одежды, разглядывал высокий потолок с лепниной и удивлялся, зачем троим такая огромная квартира. Не то чтобы завидовал... Да и к чему сравнивать себя с первым секретарем райкома? Всем известно: такую должность кому попало не дают. Просто не вязалась эта роскошь с чем-то очень важным. Левка не стал додумывать, с чем именно.

Настасья скрылась в кухне. Можно было расслабиться. Он скинул ботинки, с мальчишеским озорством шагнул на сверкающий паркет и заглянул в приоткрытую дверь. В зале был по всем правилам сервирован стол, что-то подобное Левка видел только на картинке в книге о вкусной и здоровой пище. Трофейный немецкий сервиз из чертовой уймы предметов: супницы, тарелки, тарелочки, соусники и куча разных штучек-дрючек, названия которых он не знал. Мебель резная, красное дерево, полировка, хрустальная люстра сверкает, аж глаза режет. Наталья Савельевна, шурша пестрым шелковым платьем, кружилась вокруг солидного товарища с усами щеточкой. Наверное, это и есть тот самый важный гость, о котором говорил Сергей Юрьевич. Левка никогда не видел хозяйку такой праздничной. Сегодня держалась особенно прямо, будто боялась уронить корону из свернутой кольцом черной косы, и украшений на ней было, как на люстре подвесок. Она направилась к выходу. Переливаясь всеми цветами радуги, Наталья Савельевна вышла в коридор, сразу как-то пообмякла, и стал виден толстый слой румян и пудры. Цыкнула на Левку, чтобы не вертелся под ногами, потом поздравит, если хочет. Он поплелся в прихожую, морщась от запаха «Красной Москвы», уселся на пуфик и принялся завязывать шнурки. Оглянулся последний раз, схватился за ручку двери. «Подумаешь, обойдемся!» Вдруг дверь распахнулась и сильно ударила по лбу. Увидев Антонину, Левка с трудом удержал бранное словцо, отпрянул, потирая ушибленное место. Именинница немного растерялась, торопливо извинилась, на ходу расстегивая пальто. Пока никто не вышел, Левка торопливо выхватил из кармана подарок.

– Это вам, Антонина Сергеевна, с днем рождения!

Все заготовленные тирады начисто выветрились из головы, он неловко протянул завязанный ленточкой сверток. Антонина машинально взяла, развернула и заупрячилась:

– Что это вы выдумали, право! Ложек у нас хватает. Заберите сейчас же!

Левка стоял, как истукан. Тут вышел отец с начальником. Чтобы не отвлекать их мелочами, девушка кинула ложку на полочку у зеркала, строго шикнув:

– Заберете – и точка!

– И не подумаю! – прошептал Левка, но его никто не слышал.

Все, включая только что вышедшую хозяйку, смотрели на представительного товарища, который шутливо трепал именинницу по головке, как ребенка.

– Ай да Тошка! До чего же выросла! Прямо взрослая!

Левка пробормотал: «До свидания», шагнул, чтобы уйти, и тут же получил дверью во второй раз за последние пять минут. Антонина расхохоталась по-детски заливисто. Даже слезы из глаз брызнули.

На пороге появилась худая, скуластая старуха в старом, пятнами выгоревшем пальтишке и шерстяном клетчатом платке. В руках она держала грязный, промокший узел, по морщинистому лицу стекали капли дождя. Глаза, будто и не старые вовсе, радостно, добродушно светились. Левка почувствовал симпатию к простой бабке и какую-то неловкость за нее, что она так нелепо адресом ошиблась. Не может же, в самом деле, здесь быть такая гостья!

– Почему не закрыли дверь? Настасья! – непривычно тихо и неуверенно проговорила хозяйка.

– Ну, здравствуй, Наталья! Да ты не постарела почти, все такая же! Прости, что я как снег на голову. В Москве проездом, всего на пару часов. Увидеть тебя хотела, помнишь, девчонками лучшие подруги были? – она заулыбалась детской радостной улыбкой.

Наталья Савельевна стояла сама не своя. На побледневшем осунувшемся лице черные, ярко накрашенные брови выступили резко, как боевой раскрас индейца. Ошарашенная, она то ли не узнавала гостью, то ли не хотела узнать. Наконец, ежась от обращенных со всех сторон взглядов, выдавила из себя:

– Это ты, Маруся... Не признала сразу, прости. Столько лет прошло. Что ж не предупредила? – глядя на мужа, добавила: – Это сестра двоюродная из Котельнича.

Сергей Юрьевич холодно посмотрел на вошедшую:

– Не помню, чтобы встречались, но родственникам всегда рады.

Хозяйка поперхнулась будто и заговорила неестественно громко и быстро о дочке, о ее дне рождения.

– Ой, Тошенька! Племянница, радость-то какая! Я помню ее трехлетней крохотулечкой, а сейчас вымахала как, настоящая барышня, невеста! – гостья поставила узел под ноги, стянула промокший платок. Короткие седые прядки лезли в разные стороны. Она глянула в зеркало, потянулась за расческой и наткнулась на ложку, принесенную Левкой. Громко охнула, схватила ее и затараторила:

– Ох, ложечка фамильная! Надо же, в семью вернулась! Неисповедимы пути Господни! – она перекрестилась, присутствующие неодобрительно переглянулись. – Так и есть! Вензель наш: «СТ» – Савелий Трофимов, купец второй гильдии, твой батюшка.

Наталья Савельевна взвизгнула:

– Какая ложка?! Какой купец?! Ты что, белены объелась? – тут заметила виноватую Левкину физиономию и все поняла: – Вот, значит, какой подарочек!

Маруся, как ни в чем не бывало, продолжала, остановиться не могла, сжимала ложку и смотрела сквозь нее вдаль, в прошлое:

– Помнишь, Наталья, в восемнадцатом, когда красные к городу подходили, мы торопились оттуда? Отец приказал всем разделиться и каждому взять часть вещей. Ты девчонка была двенадцатилетняя, смышленная, шустрая – любимица батюшкина. Тебе поручили серебро везти, положили в большой старый самовар. Мол, девочка с самоваром, никто и не подумает. Так просчитались. Времена-то какие были, в поездах что творилось – жуть! Украл самовар!

– Что заладила: самовар, самовар! Не было ничего! – собрав остатки властности, хозяйка добавила: – Бредит она! Больная, припадочная! – потом прислонилась к стене, схватилась за сердце и начала сползать на пол.

Антонина присела на корточки:

– Ой, ой, мама, мамочка! – вместо того чтобы помогать, заглядывала в лица старших, не находя ответа, продолжала ойкать и ломать руки.

Первой опомнилась Настасья, все-таки проблемы не ее – хозяйские! Клопочущее любопытство давало силы немеренные, она даже приподняла грузное тело, но вдруг опомнилась, кинулась щупать пульс:

– Жива голубушка! Жива!

Тут, как в сказке, и все ожили. Важный гость, так и не сев к столу, начал прощаться не терпящим возражений тоном, потом холодно добавил:

– Супруге твоей покой сейчас нужен! – и ушел.

Левка хотел последовать за ним, но Сергей Юрьевич схватил его за руку и потащил в кабинет. Лицо начальника почернело, заострилось, как у мертвеца, в глазах читался приговор. Теперь ответить придется за все грехи, за все глупости, и раж на выручку не придет. Ведь нет чувства правоты, одна отрешенность.

Сергей Юрьевич заговорил хриплым скрипучим голосом:

– Так вот какой подарочек припас! Пригрел гадюку. Отвечай, кто тебя подослал? Тебя и эту ведьму! Кругом враги! Нашли-таки слабое место! – потом неожиданно мягко добавил:

– Поверишь ли, ничего я об этом не знал. Никогда не женился бы на купчихе. А она молчала, двадцать пять лет молчала! Не такая, значит, дура, как я считал. Это я дурак, старый идиот! Но ты мне ответишь за все! Хорошо подстроили, нечего сказать, Бондаря одним махом, как муху! – он ударил ладонью по столу, лампа подпрыгнула, словно юбочка закружился нарядный абажур.

Левка чувствовал, что оправдываться бесполезно. Что может его жалкая правда против железной логики? Не скажешь ведь, что ложку украл одиннадцатилетним мальцом по глупости, а сейчас еще поухаживать решил за Антониной. Разве можно такому верить?!

Лицо начальника багровело, и, казалось, его вот-вот хватит удар. Левка не стал дожидаться, бросился к выходу.

Черное небо, дождь барабанит по крыше машины, капли переливаются в свете фонаря. Никогда больше он не сядет за руль. Бросил ключи и документы на сиденье, прикрыл тряпкой, захлопнул дверь. «Все кончено, за мной не сегодня-завтра придут. Бондарь слов на ветер не бросает, – Левка криво усмехнулся. – Но ждать, сложа руки, и не подумаю! Уеду, куда глаза глядят, пусть ищут! Хоть попотеют! Не все коту масленица!» Злой и решительный, забежал домой, схватил документы, деньги, пару вещей. Буркнул матери:

– Не ищи! Сам напишу!

Глава 5

Зарождение любви

Валерий «дневники» писал, как положено, через каждые три дня. Знал: другие врачи так не заморачиваются, но ведь то халтурщики. Высокая стопка историй болезней высилась в правом углу стола и совсем не убывала. Серые картонные папки с надписями «Дело №», «хранить... лет». «Да, хранить и дописывать, дописывать всю жизнь больного и далее в архив». В дверь постучали. «Ну, кого еще несет нелегкая! Знают же, неприятный час! Утром со всеми поговорил, так ведь нет, мало!»

Лугов собрался отчитать навязчивого больного, но, увидев незнакомую, худенькую, растрепанную девушку, растерялся и глупо улыбнулся. «Кто это? Явно ведь не наша больная!» «Наших больных», то есть шизофреников, он давно научился распознавать с первого взгляда по мимике, движениям и комплексному ощущению, которое подробно описано в учебниках психиатрии.

– Я – подруга пациента Мальвинова, – робко представилась посетительница.

«Ага, та самая сожительница, о которой написано в сопроводительной бумаге. А я думал, напутали чего, Мальвинов-то одиночка! Почти двадцать лет болеет, какие уж тут бабы! Видно, девчонка сама расстаралась».

Валерий взглянул на девушку повнимательнее, уже не только как врач. И переклинило, острое желание накатило, будто волна, пришлось отвернуться и разглядывать трещину на потолке. Весь его здравый смысл просто на уши встал от возмущения. «Ничего себе красotka, ни кожи, ни рожи! Да еще на работе!» Он опять оглядел ее, нарочно стараясь замечать недостатки. Угловатая, костлявая, даже бесформенный свитер не скрывает, потертые джинсы с оттоптанymi краями, взъерошенные рыжие патлы, вздернутый носик, а глаза, как ловушки. «Блин! Опять не то!»

– Вы понимаете, я запуталась... Совсем! – пробивалось сквозь частокол «умных» доводов. – Неужели Алекс сумасшедший?! Вы, наверное, и обо мне так думаете! – она разревелась, закрыв лицо руками, он заметил короткие, обкусанные ногти.

Лугов в жизни видел много слез, они всегда раздражали его, а временами просто бесили. Начиная с детства, с властной, истеричной матери. Он привык считать женские слезы запрещенным, бесчестным оружием, подлой манипуляцией – и только. Может, и специальность выбрал из протеста. Хочешь, чтобы сын был врачом, как ты, как все родственники, вот и получай психиатра!

Мысли о детстве приходили серые, муторные. Будто должен он всем. Словно еще до рождения по уши влез в долги, а отдать не может даже проценты.

Полный дефолт, как и у отца. Тот для матери – вечно «черный сухарь», живой упрек! А ведь был подающий надежды офицер, в Москву перевелся из Средней Азии, еще в семидесятые карьеру делал. Бравый вояка, а жене проиграл решающее жизненное сражение. Так и умер капитаном. Но сын восстал, вырвался, отделился.

Лада смотрела на него требовательно, с надеждой. Валерий вздрогнул, вскочил, уронив стул, и принялся искать чистую чашку, чтобы налить воды. «До чего дошел! Разнежничался! В отпуск пора, в отпуск!»

Лугов год, как стал и.о. заведующего, и не отдыхал, боялся отделение оставить. «И зачем мне эта Лада? Геморрой сплошной! Есть же Ленка, наконец, приходит раз в неделю ночевать, и никаких проблем, хотя по утрам в глаза заглядывает: "Не предложишь ли остаться?" Навоображала себе черт знает чего!»

Валерий принялся рассказывать Ладе о психиатрии, зачем-то подводя к мысли о том, что Мальвинов тяжело болен и ей не пара. «Не только ей, конечно, вообще никому! Чистая правда!»

Девушка успокаивалась, вздыхала, как ребенок:

– А можно Алекса повидать?

– Нет, он сейчас на первом этаже, среди острых больных. Вот переведут сюда, тогда, пожалуйста. Вы заходите! – и улыбнулся, как дурак.

В майские праздники город словно вымер, а больница и подавно. Тишина, только фонтан вдалеке шумит да птицы поют. Суeta вся за бетонным забором осталась. Лада шла, как по заколдованному замку, и обитатели в нем зачарованные. Один Алекс чего стоит! Перевели его в санаторное отделение, казалось бы, ходи, радуйся свободе, а ему все равно. Вообще все по барабану, не только Лада... Ну, и фиг с ним! Здесь и ее подлечили. От глупости. Случается же: лишь опустившись до дна, начинаешь подниматься. Вот и она так, оживала потихоньку. Даже похорошела, мама не нарадуется. Сюда ходила, как в дом родной, освоилась. Тут хорошо, парк чистый, не то, что в городе, воздух прозрачный, аж колыхнется, и листочки на деревьях свеженькие, маслянистые. Вот заявиться бы сюда с мольбертом! Новую картину начать – радостную, загадочную. И долой насекомых! Интересно, разрешили бы? Лугов мог бы, он добрый, отзывчивый. Лада сразу это поняла, когда ворвалась к нему растрепанная, зареванная, и давай чушь нести. Он, вместо того чтобы послать подальше, выслушал, понял, разобрался. Чувствовалось, что она ему понравилась, но он старался этого не показывать, солидность не позволяла. Умора просто! Валерий молодец, конечно, двадцать семь лет всего, а уже заведующий, и все с ним считаются. В отделении строгостей навел – будь здоров, персонал его не переносит, зато пациенты обожают, как отца родного. Оказалось, психи не страшные вовсе, а жалкие, беспомощные, приносят «подарочки»: кто конфету, кто сырок, а кто шишку. Смешно, трогательно.

Лугов все-таки настоящий мужчина, на него можно положиться. Только серьезный слишком, но это пройдет. Она уж постарается.

В тот день Лада чувствовала себя уверенно, как никогда, потому что знала: ей очень идут новенькое синее платье и короткая стрижка.

Остановившись около фонтана, достала зеркальце и начала прихорашиваться. Забежали солнечные зайчики, Лада зажмурилась, отвернулась и увидела нечто. Именно так, ведь подобного персонажа не встречала даже здесь. Маленькая кругленькая седая старушонка с косичками, как у школьницы, в мятом, засаленном красном платье с крупными черными розами деловито шлепала по клумбе, срезала желтые тюльпаны, а остальные нагло затапывала в грязь. Букет рос прямо на глазах. Девушка сперва обалдела, а потом решила отчитать эту нелепую бабу-ягу. Что за безобразие – портить клумбу, другие ведь старались, сажали! На оклик старушка совершенно не отреагировала и нагло продолжала шлепать рваными домашними тапками по несчастным цветам. За шесть недель хождения в больницу Лада привыкла не бояться этих чудиков, считала себя бывалой и опытной. Подумаешь, старуха, ну, разворчитесь, в худшем случае пошлет куда подальше. Набравшись смелости, шагнула на рыхлую почву, стараясь не наступать на стебли. Отвратительный бомжатский запах ударил в нос, будто отталкивая. Ноги, завязая в черной земле, сами отскочили назад. Или ангел-хранитель отдернул за шкурку? Неизвестно. Но через миг ведьма обернулась и без всякого перехода с остервенением ринулась на Ладу, сжимая в руке нож.

От общепитовского духа Валерия неизменно начинало мутить, но ворчать оставалось лишь про себя: «Ну, что за работу выдумали для дежурного врача! Присутствовать при закладке мяса в суп! Мент я, что ли, следить за ворюгами? Закрутили гайки!» Лугов лукавил сам с собой: строгое, въедливое руководство отвечало его натуре. Сейчас он готов был подчиняться, чтобы потом самому так править. Да, честолобивые цели. А как без них?! Но

это потом, через много лет. В нос ударил запах переваренной капусты, Валерий отпрянул к открытому окну, не дожидаясь пока повариха опустит крышку. Вспомнилось, как Лада, проходя по дорожке, машет рукой, а он усилием воли сдерживает глупую радость и снисходительно кивает. Внизу – серый хоздвор, мусорные баки, пятнистая облезлая кошка жмется к стене и никакой радости. Одно раздражение и бегущая фигура в белом халате. Так и есть: Тамара Ивановна – медсестра из восьмого. До чего же шустрая для пенсионерки, гонятся за ней, что ли?

– Валерий Юрьевич! Беда! – крикнула она и облокотилась на косяк, чтобы отдышаться. Вздыхалась пышная грудь, подрагивали крупные осветленные кудри, писк моды шестидесятых. – Динка Белова заявила, в полном психозе! А врачей никого! Нет бы, как положено, в диспансер за путевкой! А она прямо в отделение! И сама никакая, – говорящая осеклась и растерянно замолчала.

– Что еще? Не тяните!

– Вы понимаете, какое дело, мы с Риткой процедурной чай пили. Ну, и нож на тарелочке с колбасой лежал... Так она, в общем...

– Так, значит, больная с обострением бежит по территории с ножом! А вы?!

– Валерий покрылся пятнами от гнева. – Инструкцию нарушаете! Расслабились, к чертовой матери! Нашли курорт! Охрану хоть вызвали?

Медсестра рассыпалась в подобострастии и махнула кому-то рукой. В дверях неожиданно, как клоун на утреннике, возник старичок – божий одуванчик. Если бы не форменная синяя рубашка с черными буквами «Охрана», не догадаешься. В общем, хоть плачь, хоть смейся! А Тамара Ивановна продолжала тараторить:

– Ритка укол готовит, сейчас придет!

– Вы больных в психозе видали когда-нибудь? – скорее для проформы спросил Лугов дедка.

Тот замялся:

– Я, знаете ли, у вас всего третий день. Не успел еще. А раньше в супермаркете работал.

«Кругом инвалиды! Этот умеет только у кассы стоять да коляски откатывать. Охрана, блин!» Ритка шустро ковыляла на шпильках. Пышная размалеванная девка лет тридцати продемонстрировала заряженный шприц и игриво взглянула на Лугова. Он разозлился: «Везде полный абзац, а она хвостом машет! Конечно, все шишки на мою голову, а эти как будто ни при чем!» Покрыв их про себя с перебором, не полегчало! Проинструктировал издевательски подробно. Они тупо покивали головами и побрели за ним гурьбой по дорожке, путаясь друг у друга под ногами. Захотелось снова отчитать разгильдяев, но не успел.

Полумертвая от страха, Лада бегала вокруг фонтана на подгибающихся ногах, а за ней гналась ведьма в красном развевающемся балахоне. Зажатый в руках нож отбрасывал нелепые солнечные зайчики. Картина нереальна, как розыгрыш, как спектакль. Лугов шкурой почувствовал: девчонка долго не продержится, упадет под весело блестящим оружием. Он бросился вперед, словно в футболе на мяч, с тем же чувством окрыляющего азарта, которое принесло ему столько побед и похвал, а сейчас должно было спасти что-то очень важное, восстановить сбитый случаем порядок вещей. Валерий прыгнул на растерзанную клумбу, почти упал на показавшуюся вдруг маленькой фигурку. Вцепился, начал разжимать грязные, с длинными ногтями пальцы. Лезвие легко вошло в рыхлую землю. Динка стала брыкаться, царапаться, рвать пуговицы, норовила укусить. Он, конечно, много раз слышал, что один псих по силе стоит троих нормальных, но сейчас ощутил это на себе, с трудом удерживая маленькую, жалкую старушонку. Отчаянно захотелось ударить, но в голове всплыла инструкция: «Только фиксировать». Вдохнул поглубже, чтобы успокоиться, вонь месяцами не мытого тела оглушила, навалилась тошнота. Хорошо хоть «бойцы» расстарались, сделали-таки укол сзади через одежду.

Когда обмякшую пациентку увели, Валерий продолжал стоять, глядя на красные лепестки в черной земле. Хотелось философствовать о причудах времени, которое вдруг растягивает мгновения до невообразимых величин. Он чувствовал себя значительно старше, чем десять минут назад, и мышиная возня, тогда такая важная, стала безразлична. Лугов посмотрел на Ладу, которая тихо всхлипывала в сторонке. Она, будто дождавшись приглашения, бросилась ему на грудь, и не надо было ничего объяснять.

Глава 6

Начало болезни

– Твой дед достал совсем, два месяца уже гостит! Ну, сколько можно! Пора бы и честь знать! В родном доме задыхаюсь. Хорошо хоть на прогулки по центру уезжает. Почти восемьдесят лет, еле ноги таскает, а сам все на экскурсии! Просто диву даюсь, турист с того света, блин!

Валерий молчал. Не то чтобы не соглашался, просто в тоне Лады выпирала склочность, проклюнувшаяся после родов и с каждым днем расцветавшая все пышнее и ярче. У него как раз запарка на работе, света белого не видит, а тут еще с женой нянчиться. «Дома вместо покоя сплошные непонятки. Дед, конечно, тот еще фрукт. Чудит – будь здоров! Никого не слушает. Дряхлый, едва живой, а все в забияки лезет! "Я кот, гуляю сам по себе!" Тоже мне!» Валерий глянул в наглую кошачью морду, украшавшую циферблат часов, и принялся ускоренно дожевывать бутерброд, уже не чувствуя вкуса. Вот всегда так, все спешит, не замечая вкуса, цвета, запаха. Да и сама жизнь будто проносится за окном вагона, а это мелькание заворачивает, манит, а дотянуться не выходит, поезд несется, не остановить. «Вот и с дедом толком не пообщался... Действительно, что ему здесь нужно? Явно не мы!» Неожиданно вырвалось:

– Прошное искать приехал. Только почему сюда?

Лада перестала ковырять ложечкой творожок с мюсли и с интересом уставилась на мужа. В тишине часы тикали устрашающе, как счетчик перед взрывом. Искорка понимания блеснула и погасла.

– Все, мне пора! Уже полвосьмого, самые пробки начинаются. Пока! Звони!

Вот так всегда! Только начнешь говорить по-человечески, как ему пора. Пробки, видите ли! Всю жизнь позатыкали! Швырнула чашку в раковину с остервенением, а она целехонька, подпрыгнула издевательски и замерла. Стойкое огнеупорное стекло, ему до поры до времени хоть бы хны. А час придет – само рассыплется без посторонней помощи, не то что стариковы противные железяки! Наставил здесь баракла, будто территорию пометил. Ест только из своей посуды, как старообрядец.

Лада с ненавистью посмотрела на помятую обколотую эмалированную кружку с едва различимой надписью на доньшке – 71. Это же надо – почти сорок лет. Терпеть не могла старье, будто груз времени на нем висит, кричит о твоей человеческой хрупкости, бренности. Чуток вещичка послужит – и все, долой, «обновления готовы». Она брезгливо задвинула в угол кружку, поросшую изнутри коричневым чайным налетом. Не моет – его проблемы, в домработницы не нанималась. Лада – творческая личность, от быта звереет. Вот будет ребенку год, можно работать, пусть даже дома, но ему всего четыре месяца, это сколько же еще ждать?! Не выдержать. Помощника рядом нет. Только этот старый козел, который и руки-то не моет, а над правилами ухода за детьми откровенно смеется. Мол, баловство это, мирихлюндия. Сколько поколений без этого жило. Все по Дарвину, сильный выживает и так далее. В общем, демагогия.

Лада села, огляделась: вроде все сделано, можно и бутерброд соорудить с колбаской, благо фигура позволяет. Не спеша, спокойно позавтракать. Вкусно, хорошо, но тревога не уходит. Что-то не так, не должен малыш столько спать! Побежала, потрогала, так и есть – горяченький. Допрыгалась, заболел. Конечно, старый хрыч везде окна пооткрывал, душно, видите ли! На ребенка плевать! Артошка проснулся, захныкал, сунула под мышку градусник, сынок пищал, вертелся, не давался. Давно пора электронный термометр купить! Привычно злилась на мужа, будто он во всем виноват, даже в том, что Артошка срыгнул на новенькую

сиреневую футболку. Ну, какое тут к черту творчество, когда пахнешь кислым молоком! С трудом Лада нашла телефон районной детской поликлиники, набрала номер. Дед сидел на кухне, кромсал колбасу допотопным ножом, хорошо хоть не рыбу, какая-никакая Ладина победа. То, что она готовила, не ел из принципа, говорил: молоком пахнет. Каким еще молоком?! Издевательство сплошное. С утра опять в Кремль на экскурсию намылился, все тянет его туда, будто потерял что. Посмотрел насмешливо, с деланным изумлением разинув рот, слюна капнула в железную миску с «Дошираком».

– Неужели захворал солдат? И гигиена не спасла? Лада начала заводиться:

– Нечего смеяться! И он не солдат!

– Мужчина – значит воин! В армии служить будет, – спокойненько так ответил, но с вызовом. Ей хватило. Завелась с полуоборота.

– Не будет! Там дедовщина да одно отребье! Дети из приличных семей по-другому устраиваются!

– Ни к чему армия? – дед ухмыльнулся, демонстрируя торчащий сбоку гнилой зуб. – А защищать вас кто будет? Верно, заласканные птенчики, что из-под мамкиного крылышка до старости не вылезят!

Лада взбесилась окончательно:

– Вы птичьей философией безразличие к внуку не прикрывайте!

– Эх, дуреха ты молодая! Жизнь распланировала на двадцать лет вперед! – и ушел, хекая.

Казалось, скрипучий смех еще долго будет витать в опустевшей прихожей. Вот достал, старый козел! «Молодая, глупая!» Для него все моложе шестидесяти – желторотые юнцы. Ископаемое! Повернулась, чтобы крикнуть ему это вслед, и вздрогнула от резкого звонка в дверь.

В смахивающей на злую, облезлую кошку женщине врач угадывался лишь по затрепанному белому халату. В каждом движении, жесте читалось «До чего же вы мне все надоели!» Не снимая туфель, прошлепала по ковру в детскую, на ходу протирая руки каким-то средством. На веселых кошачьих мордочках грязные следы. Ну, медицина у нас, жесть! Другие еще в поликлинику каждый месяц ходят, дураки! Лада сразу решила: нечего заразу ловить, растет ребенок или нет и так видно. Прививками травить сына не собиралась, в сети про них такое пишут, что волосы дыбом встают.

Участковая вначале поучать пыталась, а потом плюнула. И правильно, нечего зря силы тратить. Не всех же под одну гребенку стричь, кто-то топорщиться будет. Хватит «усредниловки», все эти прививки и диспансеризации – «совковые» пережитки.

– Мамаша, вы будете ребенка показывать или нет? – возникла доктор.

Для этой побитой молю тетке Лада – мамаша. Вместо того чтобы съязвить, начала торопливо раздевать Артошку на пеленальнике. Врач быстро пробежалась холодным стетоскопом по маленькому тельцу, Лада сама поежилась.

– Так, в легких все чисто. Да что вы стоите, несите ложку! Лада метнулась к двери и замерла от издевательского окрика.

– А ребенка так на комодете оставите? Упадет, я следить не буду! До чего бестолковые родители пошли!

Наконец, вооружившись ложкой и фонариком, она шагнула к Ладе:

– Стойте на месте и держите его крепче! Я горло посмотрю. Так, красноватое. Пока температура будет, не гулять, не купать! Какие лекарства купить, я написала. Все. Будет хуже, вызывайте.

Убежала, оставив Ладу в полном ауте.

Прошло три дня. Хуже не становилось, но и лучше тоже. Исподволь просачивалось беспокойство, хотя непонятно, отчего. Подумаешь, температура 37,5-37,7. Сама в детстве

болела подолгу и с удовольствием. Здорово, сиди себе дома, делай, что хочешь, и вкусьности ешь. Тогда было все весело и радостно, хоть занималась с Ладой исключительно бабушка. Отец никогда не появлялся, а мама просто органически не могла сидеть дома, порхала туда-сюда, ни на чем не задерживаясь. Ладе эта веселуха осточертела, вот и замахнулась на основательное гнездо. Только, кажется, не потянула, закваска слишком легкая.

Прошла в большую комнату, муж за компом в «стрелялки» играет, ничего вокруг не видит. Разве так она представляла семейные выходные?

Ничего, пусть оторвется, сына посмотрит, послушает, врач все-таки. Валерий среагировал лишь с десятого окрика, взгляд отсутствующий, врубается с трудом.

– Я, знаешь ли, психиатр, стетоскоп последний раз в институте на выпускных экзаменах в руки брал. Нуда ладно, попробую, легкие слушать несложно. Вдох, выдох, – он долго и старательно примерялся, грел «слушалку», неловко касался малыша, наконец, изрек: – Все в порядке. Не бойся. А то, что он вялый и часто срыгивает, это нормальная реакция, еще с третьего курса помню.

Почти успокоил. Только почему все-таки лекарства не помогают? Фальшивые, что ли?

Прошло девять дней. А воз и ныне там. Все, сказала Лада, хватит, завязываем с бесплатной медициной. Соседка Маринка хорошую частную клинику посоветовала, она там подписалась на программу «Семейный доктор» и старшей дочке зубы лечит только под общим наркозом, вот это уровень. Муженек все выслушал, молча, улыбаясь на психиатрический манер. Лада взвилась:

– Жмот! Денег на ребенка жалеешь! А ведь есть пословица: «Лечиться даром – даром лечиться».

Валерий хмыкнул:

– Игра слов еще не мудрость! Визитку дай глянуть. Клиника «Аладдин». Чудеса, наверное, обещают, джинн из лампы и прочее. Ну и кобру они здесь намалевали, кошмарики!

– Нечего издеваться! – продолжала кричать Лада. – Нормальная медицинская эмблема – змея и чаша. Ты мне зубы не заговаривай!

Муж не сдавался:

– Ладушка! (Она терпеть не могла, когда ее так называли!) Неужели не понимаешь, что в частную контору людей по родственному признаку набирают? Главное, что друг, сват, брат, а какой спец – дело десятое!

– Да ты просто платить не хочешь!

– Бери деньги и поступай, как знаешь! – сдался Валерий. – Но я туда не поеду! Не хватало еще, чтоб меня разводили! Я ведь не сдержаться могу, ляпну чего-нибудь!

– Что же, я одна с ребенком в Центр поташусь?

– Маму попроси, она за рулем.

Вот хам! Хотела ответить, но дед помешал:

– Теперь с каждым насморком через всю Москву бегать будешь? Пройдет! От докторов никакого прока! Вот на Валерку посмотри, какой от него толк? С женой разобраться не может, подкаблучник!

И в нору уполз, старый змей, слова сказать не дал. Лада вдруг ужаснулась, осознав, что ее маленькая светлая мастерская – теперь его комната. Все в ней насквозь пропиталось запахом горечи, затхлости, старости. Слезы побежали по щекам, не удержать. Обязательно надо заняться стариком, вот зайчонок выздоровеет... Там можно и ультиматум поставить.

Артошка спал спокойно и выглядел вроде получше, потрогала – где-то 37,5, уже научилась определять на ощупь. Может, все ничего?

Мама почти рассеяла тревоги. Веселая, жизнерадостная, цветущая, ультракороткая стрижка, чуть-чуть косметики. Порхало нежно-розовое пончо, переливались крупные перламутровые серьги и браслеты в стиле модерн, неся совершенно неуместное ощущение

праздника. Да ведь она совсем молодая, никогда бы не подумала, ведь мать по определению стара: другое поколение – отжившее, уходящее со сцены. А ей всего сорок семь, а по виду не дашь и тридцати пяти. Один юный блеск в глазах чего стоит! У Лады такого нет.

В клинике их встретили тепло, с улыбками до ушей, как у клоунов. Врач подробно расспрашивала, осматривала, слушала, щупала Артошку. Потом с достоинством изрекла:

– Нужно проводить обследование. Начнем с УЗИ органов брюшной полости!

Обслужили быстро, без задержек и очередей. Прочитав заключение, Лада испугалась не на шутку: «Увеличение мезентеральных лимфоузлов». Что бы это значило?

– Не беспокойтесь, мамочка! Это, скорее всего, инфекция. Нужно сделать анализ крови, чтобы определить какая.

Врач что-то говорила про антитела и антигены. Лада сидела дура дурой и понимала только, что один анализ стоит от двух тысяч. А список вирусов по размеру смахивал на меню в хорошем ресторане. Читала длинные, как черви, слова, ничего не могла запомнить и чуть не плакала, ведь в кармане всего десять тысяч. Доктор глядела с сочувствием и превосходством, как на убогую.

– Вы не расстраивайтесь! Для начала сделаем только на ВЭБ и ЦМВ. Но с титрами.

Она подробно объясняет, зачем на один вирус делать три анализа. Мама, видя Ладину потерянность, отрывает от сердца еще две с половиной тысячи. Новый мужчина денег дает ей в обрез, а поддержание красоты в этом возрасте, сами понимаете...

У двери процедурного кабинета еще одна мамочка с девчушкой лет трех, та носится, хохочет, егозит, мешая сосредоточиться. Конечно, сначала оплатить, а там и очередь подойдет. Над стойкой администратора большущая светящаяся эмблема. Огромная кобра, обвиваясь вокруг кубка, косила хитрый глаз, с жала стекали крупные, сверкающие капли. Лада перевела взгляд на зажатый в ледяных пальцах список. В памяти всплыло: *virus* по латыни означает «яд».

Глава 7

Диагноз

«Что за дурацкие зеленые кошки! Ну и обои выбрала, художница». Валерий вспомнил, как прошлой осенью отдал новоиспеченной жене на растерзание квартиру, сам ни во что не вмешивался, широту проявлял. В последнее время многое в отделке его раздражало, особенно засилье кошек. «Терпеть их не могу! А раньше не замечал, и Ладка тогда была такой милой, почти родной». Почти – потому что все-таки не хватало чего-то, о чем он в радостной спешке не думал. «Сейчас ее волчий взгляд холодит спину через одеяло. Вот лежим в одной постели, оба злые, между нами ребенок, как стена». С кроватью все с самого начала не заладилось, малыш лучше спит у мамы под боком, можно ночью грудь дать, не вставая. Логично, понятно – на первый взгляд. Но мужу здесь места нет. «Какая тут любовь! Развела, как лоха! Урвала полный бабский соцпакет и кайфует!» Вспомнилась диссертация, брошенная на полпути, а такие были идеи! И псу под хвост! «Сын, наследник! – Валерий передразнил дедовы слова. – Да. Все не к месту, не ко времени». Обернулся, чтобы смерить взглядом наглого, избалованного захватчика. Крохотное существо под салатным одеяльцем с мишками казалось на удивление хрупким, беспомощным, жалким и будто нуждалось в его, отцовской, защите. Валерий опешил и неловко потрогал головку, словно ища подтверждения. Лобик, по-нездоровому теплый и влажный, вдруг напомнил, что малыш болен уже две недели. Нет, Лугов, конечно, знал об этом, но не придавал значения, а тут его будто позвали на помощь. Он резко сел на кровати и заговорил громко и быстро, пытаясь заглушить неуместное чувство вины. Лада было изогнулась и зашипела, как сердитая кошка, но скоро поняла, что крики малыша не будят.

– Я вспомнил очень хорошего врача! Он вел у нас педиатрию, просто супердядечка, в больных людей видел! – чтобы донести до глупой женщины, какое это чудо, пояснил: – Для большинства пациенты – материал, и только! Врач от Бога, понимаешь?!

Походя отогнал мыслишку: «А сам-то ты от кого?»

– Ладка, слышишь, завтра же поедem! Я отпрошусь!

Ей захотелось заворчать: «Где ты раньше был?» Но появилась точка опоры, а с нею и вера, что все будет хорошо. Лада бросилась в объятия мужа с радостью, почти забытой за последние полгода.

Валерий всегда держал слово, даже данное сгоряча. Утром, матеря себя и весь мир, он организовывал консультацию профессора Фролова. Еще за двадцать минут до назначенного времени Лугов вышагивал по отделению, вспоминая студенческие годы. Лада сидела молчаливая и торжественная, как верующая католичка во время мессы. При дневном свете страхи становились неуместными, а шум заглушил тот зов о помощи, что ему вчера померещился.

В конце коридора показалась поджарая фигура с высоко поднятой головой, полы белого халата развевались, как крылья.

– Здравствуйте, Игорь Иванович!

– Ну, Валерка, возмужал. Прямо богатырь. Зачем мечешься в предбаннике, как медведь в клетке? Mamочка, несите малыша!

Веселый доброжелательный тон приободрил Ладy, и она, сбиваясь с пятого на десятое, затараторила про температуру, рвоту, вялость, про две недели и клинику «Аладдин», теребила в руках мятую бумажку с результатами анализов.

– Это потом, раздевайте!

Удивляясь собственной неловкости, дернула молнию на комбинезончике, раскидала вещи на обитом серым «кожзамом» пеленальнике. На стене красовались цветные пластико-

вые изображения внутренних органов, невольно хотелось разобрать, что же это такое. Профессор начал терять терпение:

– Побыстрее, пожалуйста, меня студенты ждут! Две недели, говорите, температура? А в последние дни еще рвота и вялость? – осматривая Артошку, он гневно цокал языком, тыкал пальцем в разлитые красные пятна на тельце и странно смотрел на Валерия.

– Разве это не аллергия? – робко вмешалась Лада.

– Это у меня сейчас начнется аллергия на невежество! Смотри сюда, Валерий! Ребенок вялый, как тряпочка, серый, родничок выбухает, глаза закатывает. Ригидность затылочных мышц не замечаешь? Ну, доктора пошли! Сплошной «Аладдин», твою мать!

Валерий мучительно покраснел, при ином раскладе Лада бы сказала – как сеньор помидор, но сейчас растерянно переводила взгляд с мужа на профессора и обратно. Безотчетный, леденящий страх мешал дышать, руки тряслись, не слушались.

– Одевайте сынка и подождите в коридоре! – скомандовал профессор. – Мы тут побеседуем как коллега с коллегой.

Прижимаясь ухом к закрытой двери, Лада пыталась разобрать, о чем они говорят, но слышала лишь стук своего сердца.

Игорь Иванович был в бешенстве, он вообще ненавидел разгильдяйство, а врачам его особенно не прощал. «Дурак опаснее врага!» – твердил без устали. Каждый запущенный случай подтверждал его правоту.

– Ты, друг, менингеальные симптомы различать тоже разучился?! Это же надо, менингит запустить!

– Откуда он мог взяться? – Валерий устыдился собственной глупости.

– Тебе виднее, подумай! Учти, чтобы определиться с этиологией, нужен анализ ЦСЖ, тогда и определимся с лечением. И госпитализировать срочно! Пожалуй, поговорю с Михаилом Николаевичем, чтоб вас вел. Соображения кое-какие ему выскажу.

Валерий положил на стол конверт с заранее оговоренной суммой, но Фролов наотрез отказался:

– Выздоровеет, тогда отблаговаришь.

Это настораживало. Конечно, могущество современной медицины бесспорно, но все-таки... Главное, успокоить Ладку.

На другой день Валерий, избегая встречаться с женой (которая оставалась с ребенком в больнице), рвался на прием к Михаилу Николаевичу. Нужно было срочно разрешить все непонятки. Он еще с порога попытался оценить серьезность ситуации по манере и поведению врача. Тот начал без всяких «китайских церемоний»:

– Предположение о туберкулезной природе подтверждается.

«Какое еще предположение, чье?» Лугов не успел мысленно вернуться к вчерашней консультации, как услышал про «пленку» в цереброспинальной жидкости, про красные пятна Труссо и многое другое, все в ту же кучу.

– Посев еще не готов, но это без разницы. Нужен специализированный стационар. Плохо, что БЦЖ в роддоме не сделали, полностью не спасло бы, но такой тяжелой формы не было бы. Длительный семейный контакт. Надо обследовать всех.

«Контакт? Дед третий месяц кашляет, истощенный, едва живой, чем не признаки? А я, как слепой, все на старость списал. Вот гад! С подарком, значит, приехал!» Бешенство накатило, как волна, бросило к выходу. Где-то сбоку мелькнуло недоуменное лицо врача, так и оставшегося без объяснений. Экстремальность ситуации позволяла быть собой. Жалко рыпались остатки здравого смысла: «Где твое хваленое хладнокровие, психопат?! Да как ты едешь, Шумахер хренов!» Было плевать на надвигающиеся со всех сторон нелепо яркие машины, при чем здесь эти подвернувшиеся на пути люди, когда рушится мир?!

Припарковавшись у подъезда, Валерий искренне удивился, что цел. Рассуждать об этом не хватало терпения, требовалось срочно растерзать подлеца. Он ворвался к старику без стука, тяжелый запах, как доказательство болезни, ударил по мозгам. Как можно было раньше этого не замечать?! Вся комната вдруг предстала по-другому. Где она, Ладкина светлая, просторная мастерская? Осталась темная конурка с наглухо задернутыми шторами, всюду пыль, пепел на полу, потрепанная спортивная сумка с вывалившимися тряпками, упавший стул, изможденное лицо на засаленной подушке. Старик лежал неподвижно, как в анабиозе, равнодушно глядя из-под полуприкрытых век, такой беспомощный и слабый, что хотелось его пожалеть. Вспомнился Тошка, и волна подкатила к горлу. Валерий схватил деда за грудки.

– Вот, значит, как ты с нами! Нагадить решил напоследок! В глазах старика не отразилось ни злости, ни страха.

– Отстань, припадочный! Что те надо?

– Ты мне мозги не крути! Лучше скажи, как посмел с туберкулезом к нам заявиться?! О ребенке подумал?! – отчаянно захотелось врезать мерзавцу, так ловко прикрывающемуся немощью.

– Ишь, чего, «тубиком» обозвал! Оскорблять не позволю! Выгнать решил, так и сказал бы прямо, без глупостей! – проснулась ярость, и старый волк ожил, подобрался, готовый напасть.

Внук опешил от подобной наглости и выложил все по порядку, не уступая деду ни в натиске, ни в злости.

– Нет у меня кровохарканья, а кашляю всю жизнь, – буркнул дед. Валерий отпустил старика:

– Ты когда последний раз флюорографию или рентген делал?

– Лет двадцать тому назад. Когда работал, заставляли. Разве я дурак – добровольно к вашему брату ходить? Зачем лечиться? Или на тот свет лишь здоровых пускают?! – засмеялся, брызгая слюной.

Валерия передернуло, будто зараза насытила воздух до предела, он отпрянул, с силой ударился затылком о косяк, но ощутил лишь новый прилив ярости.

– Собирайся, поедем! В диспансер, за доказательствами!

И старик подчинился. Он впервые разглядел внука и будто передал ему эстафету. Теперь можно было не рыпаться, а отдаться течению.

– Я ведь, правда, не знал.

Валерий бодро переступил порог противотуберкулезного диспансера и будто в прошлое попал. Типовая, давно не отремонтированная поликлиника образца семидесятых годов, солнечные зайчики пляшут по ободранным крашеным стенам, тихо, прохладно. Всплывает нежное светлое ощущение из далекого детства. На стенах выгоревшие плакаты «Здравпросвета» – «От туберкулеза ежегодно умирает 3 млн человек, больше, чем от всех инфекционных заболеваний вместе взятых, включая ВИЧ».

«Что за агитка! Наверняка все давно устарело! – Валерий не поленился, подошел поближе, чтобы разглядеть год в нижнем углу плаката. – Нет, 2007! Надо же! Это все из-за таких!» Отыскал глазами деда, тот сидел спокойный и умиротворенный, как буддийский монах во время медитации.

Их приняли легко и быстро без полиса и регистрации. Каждый имеет право лечиться здесь, независимо от социальной подоплеки. «Ниже дна не упадешь. Осколок советской системы, неплохо сохранившаяся археологическая находка». Ряды карт в коричневых конвертах из крафт-бумаги. Представил себе тех, кто здесь лечится. Бациллы в воздухе почти ощутимы. Задохнулся отвращением, но заставил себя быть объективным. Пахло вовсе не опасностью и смертью, а пылью, сыростью и немного плесенью, покрывшей стены и окна за

долгое влажное лето. За окном по земле рассыпались крупные зеленые яблоки. Сад с полуразвалившейся беседкой в глубине напоминал все тот же осколок советского прошлого.

Когда рентгеновский снимок был готов, врачи сбегались посмотреть на редкостно запущенный случай. Суeta и оживание разбили очарование застывшего времени, все вернулось на свои места. Валерий криво улыбался, в лице проступали резкие луговские черты. Толстая врачиха лет пятидесяти охала и долго искала маску в дальнем углу ящика стола, перед тем как осмотреть больного.

Необходимость госпитализации была очевидна для всех, кроме старика. Он привычно заартачился:

– Зачем мне лечиться? Сколько суждено – и так проживу, а лишнего не надо!

– Лишнее ты уже забрал, вспомни Артошку! – взъелся внук. – Ты должен... – произнес весомые для него самого слова и осекся, поняв, что для старика это пустой звук.

Зато врачиха резво подхватила мысль и тоном строгой учительницы принялась отчитывать деда за случайных людей, походя зараженных в метро, автобусе, поезде. Валерия проповедь раздражала. «Тошка не случайный! Здесь, конечно, и моя вина. Как теперь ее искупить? Поставить на место упыря, не поить больше кровью. Попробуй, заставь его лечиться! Ему же все по фигуре! Все, кроме него самого – пупа земли. Но я – его продолжение, единственный представитель в мире живых и имею право!»

Валерий был талантливым психологом и, отбросив мусор посторонних мыслей, мог убеждать, даже подчинять. Дед не то чтобы сдался или захотел вылечиться, а просто согласился избавить внука от себя, правда, с условием, что ни в какую загородную больницу не поедет. Если лечиться, то здесь, в стационаре при диспансере. То, что для этого нужна московская прописка, хотя бы временная, его не колышет. Валерию уступать не хотелось, но спорить было бесполезно.

Хождение по инстанциям отбросил сразу, официально оформить регистрацию через два с половиной месяца после приезда – нереально долго, сложно и дорого. Остается купить, всего-то семьсот рублей, копейки, если вдуматься. Зависимость от проходимцев раздражала. Валерий ехал вечером к трем вокзалам и клял про себя законы, бюрократию и саму систему, где все происходит через... «Per rectum», как выразилась бы по-латыни его мать. Он сейчас предпочитал русский, надоело жить под колпаком правил и принципов.

С трудом найдя место для парковки, шагнул на мокрый от дождя, замусоренный асфальт, стал с отвращением приглядываться к пестрой крикливой толпе. Черный кокошник Ярославского вокзала злобно поблескивал двумя маленькими оконцами, будто заманивал в незнакомую страшную сказку. Валерий отбросил неуместные фантазии и шагнул вперед уверенно, по-деловому, быстро нашел то, что нужно. Бросил деньги и комплимент:

– Как у вас хорошо все организовано!

– Приходите еще! – темная рожа скривилась в натянутой улыбке.

«Ну, уж нет!» Поспешил к выходу, натываясь на людей, будто опаздывал на поезд.

Стал оглядываться по сторонам, стараясь найти свою машину. Взгляд зацепился за нелепую бабку с огромным чемоданом на колесиках.

Растерянная, беспомощная, она явно не выглядела «челночницей», мешочницей. Приехала, должно быть, в столицу к дальней родне, а никто не встретил.

Ветер норовил сорвать с головы коричневую шляпку с немыслимым бантом, трепал длинное клетчатое пончо, цепляя бахрому за длинную выдвижную ручку чемодана. Старушечья делала массу лишних движений, спотыкалась, неуверенно озиралась по сторонам, будто не знала, куда идти. Потрепанная дамская сумочка все съезжала с плеча, норовя шлепнуться в щедрую осеннюю грязь.

Валерию захотелось помочь ей, чтобы вернуть радость, затерявшуюся в суete и ошибках. Подойдет, предложит подвезти. Главное, не напугать. Он резко повернул в сторону,

до старухи оставалось шагов пятнадцать. Вдруг из-за ближайшей машины по-обезьяньи выпрыгнул темный силуэт, подлетел к бабке, стукнул по голове, подхватил упавшую сумку и поскакал за угол.

Как будто открыли шлюзы, и волна, за день выросшая до размеров цунами, нашла выход. Валерий ринулся за грабителем, ощущая не только радостную силу натренированного тела, но и хищный, злой азарт. Наказать зло. Пусть маленькое и чужое, но все-таки настоящее. И он бил, не сдерживаясь, не глядя на то, что перед ним человек. Зачем смотреть в лицо врага, зачем вдумываться? Ведь так вернется здравый смысл, психология, страх поступить неправильно и бог знает что еще неуместное. Противник улучил момент, вывернулся и припустил прочь. Валерий лишь запомнил остроносые лакированные туфли и разодранную грязную ветровку. Бабка верещала, прижимая к груди спасенную сумку, и невозможно было разобрать – ругает она или благодарит. И не нужно было. Он шел через реденькую кучку зевак, которые шарахались в стороны, как тараканы. Волна схлынула, но привычный страх перед последствиями не вернулся. Он готов был ответить за все и принять наказание, но ничего не происходило. Люди просто не успели сориентироваться за эти несколько минут.

Валерий гнал машину по темным улицам и удивлялся собственным джигитским замашкам: «Откуда что берется? Или это дедовское прорезается?»

Глава 8

Лечение

Валерка еще смеет так спокойно об этом говорить! Изображает тут отстраненную объективность и доволен. Ну и достали же Ладу эти психиатрические приемчики! Не может он по-человечески! И наплевать ему на нас, все из-за этого пофигизма и случилось! Передразнила: «Ну, подумаешь, дед. Пусть поживет, жалко, что ли?» Добрый какой выискался! Да ничего подобного, просто лень напрягаться, вникать во что-то.

Кричала и захлебывалась. Он, наверное, про себя вердикт вынес: истеричка. Ну и пусть, когда у ребенка туберкулезный менингит, запущенный! Она переварить не могла даже сами слова страшные, не из нашего «продвинутого» века. Хотелось убить Валерку, прихлопнуть на месте, чтобы не слышать «убедительных» разглагольствований: «Сейчас это успешно лечится, правда, за десять – двенадцать месяцев. Но, может, и быстрее». Веселая перспектива.

– А сам-то ты веришь в это?! Год – целая жизнь, три Тошкиных жизни! Ты, сволочь, это понимаешь? – бросилась на него с кулаками. Ах, если бы сил было столько же, сколько злости! Но нет. Валерий держал ее запястья легко, бережно, без видимого усилия, а Лада чувствовала холод наручников.

Он произнес тихо и внятно:

– Понимаю, все понимаю!

Уловила, что ему тоже больно, но не желала этого замечать. Иначе она окончательно потеряется. В изнеможении упала на раздолбанную больничную кровать, жесткую по краям и промятую в середине. Лежала, покачиваясь на визгливых пружинах, и старалась сосредоточиться на этом скрежете, чтобы больше ничего не слышать. Через защиту просачивались слова:

– Нужно ехать в другую больницу, специализированную. Я договорился, вас примут в туберкулезном центре на Стромынке. Там хорошее детское отделение, вам дадут отдельную палату.

Он говорил много, Лада поняла лишь смысл: с вещами на выход.

Прошло уже почти семь недель, а она все еще в ауте, никак не привыкнет к заточению. А как это прикажете называть, если лечиться здесь от шести месяцев и больше?! Вот уж действительно срок!

Старинный больничный комплекс из красного кирпича навевал тоску, мысли о смерти и бренности всего живого. Скольких людей пережили эти здания, такие сказочные снаружи и неудобные внутри... Каланча напротив дополняла антураж – уголок старой Москвы, законченная композиция. Лепота, блин, умиление. Заборчик стиля модерн. Вот так грохнуться в прошлое без парашюта, а жизнь – по ту сторону извилистых решеток.

Валерке хорошо, он там. Забегает, как гость, торопится, видно, что тошно ему здесь. Еще успокаивать пытается, мол, все будет хорошо, Артошку вылечат, заживем, как будто не было ничего. Чем больше талдычит, тем тревожнее становится: ведь это он себя убеждает. Таблетки сует, чтобы лишний раз Лада не психовала. Она кидала их на дно сумки: «На фиг химию! И так обойдусь!»

Посмотрела в угол на зарешеченную детскую кроватку. Малыш лежал вялый, бледный, не салился, не переворачивался, даже взгляд фиксировать перестал. Почти не пищал, тишина мертвая, зловещая. Лада помнила: прижимался к ней, грудь сосал и разглядывал пристально немигающими, серыми, как асфальт, глазками. Будто запомнить хотел перед разлукой. Теперь он вяло жевал холодную пустышку, а мама – воспоминания. Подумать только:

еще год назад Тошка был частью ее, радовал каждым едва ощутимым движением. А она не ценила, ничего не ценила, все отделаться хотела от лишних хлопот. Вытерла слезы и почти выбежала из палаты, подальше от этой тоски, к людям.

Врачи не то чтобы невнимательны, просто Луговы для них – одни из многих. И что тут можно требовать, если все идет по схеме: комбинация препаратов назначена, дозы подобраны. Профессор на обходе в пятницу бодро отрапортовал: «Динамика положительная, ликвор saniруется, интоксикация спадает!» И ушел. На вопрос об остаточных изменениях ответить не удосужился, зато палатный врач потом все высказала, без церемоний:

– От прививки вы отказались, болезнь запустили, а от нас чего хотите? Чудес? Так то, что ребенок жив и выпишется в срок, уже чудо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.